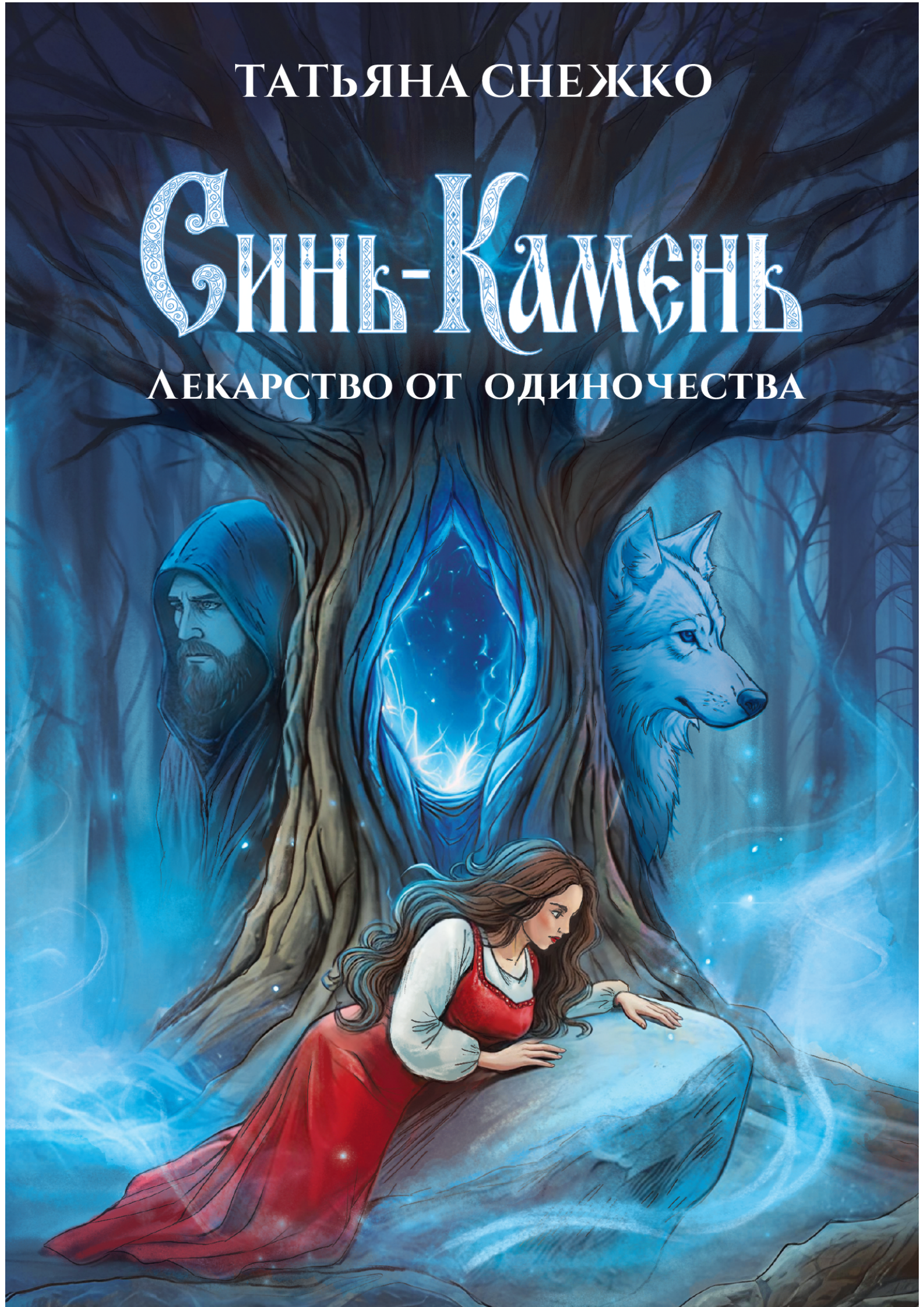

ТАТЬЯНА СНЕЖКО

СИНЬ-КАМЕНЬ

ЛЕКАРСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

Огненные легенды (Феникс)

Татьяна Снежко

**Синь-камень: лекарство
от одиночества**

«Феникс»

2026

Снежко Т.

Синь-камень: лекарство от одиночества / Т. Снежко — «Феникс»,
2026 — (Огненные легенды (Феникс))

ISBN 978-5-222-49070-9

Василиса всегда мечтала стать великим художником, но будущее сложится иначе. Алая кровь перечеркнет все краски, а судьба подкинет таинственный дневник. Падет ли теперь заклятие о тринадцати мужчинах? И спасет ли ее камень – хранитель последних надежд? И какой будет цена?

ISBN 978-5-222-49070-9

© Снежко Т., 2026

© Феникс, 2026

Содержание

Глава 1. Серый мир для меня одной	6
Глава 2. Рисовать – значит жить	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Татьяна Снежко

Синь-камень. Лекарство от одиночества

© Татьяна Снежко, текст, 2026

© Фролова М., иллюстрация и дизайн на обложке, 2026

© Осипова И., иллюстрации во внутреннем блоке, 2026

© ООО «Феникс», оформление, 2026

© В книге использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

Глава 1. Серый мир для меня одной

«Двенадцатый – Гера. Мы остались друзьями. Какое счастье, что теперь не нужно переезжать в другой город. Я остаюсь в Питере», – дописала, закрыла дневник, взяла кружку горячего чая и, вдохнув аромат гвоздики, замерла. За окном начали разводиться мост. Серые тени сливались и прикрывали собой красоту ночного города, и лишь яркое освещение моста четко вырисовывало контуры этой мощи, стремящейся куда-то в небо, будто это и вовсе звездные врата.

Мне несказанно повезло с квартирой, а особенно с видом из окна. Теперь каждую ночь могу наблюдать, как расходятся эти великаны и как запускают в небо нечто мистическое из глубоких вод серо-пепельного цвета. Что именно, мое воображение пока еще не придумало, но как только придумаю, обязательно нарисую.

Мост замер. Я поднялась и пошла в душ. С первыми горячими струями воды меня охватила радость, и тихое счастье наполнило всю меня до кончиков волос. О боже! Я просто на седьмом небе от восторга! Наконец я одолела эту дюжину рискованных поцелуев. Как здорово, что последним оказался неунывающий весельчак Гера. Всегда думала, что следователи – мрачные такие типы. Кстати, до последнего подозревала, что он Герман. Ан нет – он оказался Герасимом. В нем все было странным. Наверное, поэтому с ним и было так легко. С Герой, как и со всеми предыдущими «друзьями», я тоже познакомилась на опен-эйре. Но среди этих двенадцати нашелся один феномен, который после поцелуя стал моим братом Женькой.

Вышла из душа и тут же посмотрела на экран телефона. Брат Женька и Гера прислали одинаковые сообщения «Спокойной ночи» с одними и теми же смайликами. Ну надо же, как под копирку! У этих мужиков так сложно с фантазией. Теперь таких заботливых у меня двое.

Женька! Он стал моим братом, когда вернулся в этот мир, а для меня мир в тот момент окрасился в серый. Иногда я видела его ярко-серым и даже слегка радостным, а иногда мрачным – в миллионах оттенков серого.

Эта серость длится вот уже пятнадцать лет. Ну что ж, в этом году буду отмечать тридцатилетие, и половину прожитых лет я провела в своем сером мире.

Я залезла под теплое одеяло. Для меня, южного человека, майские ночи в Питере очень холодны. Я сменила уже двенадцать городов от Черного моря до Балтийского, но, несмотря на холод, Питер полюбила за его необыкновенную красоту. Даже в серых тонах он выглядел красивее всех остальных городов нашей страны.

В тот вечер долго крутилась и не могла уснуть. Потом бросила это гиблое дело и пошла снова пить чай у окна. Какое сегодня число? Тридцать первое мая. Ну конечно. А я-то думаю, чего это меня так колбасит. В этот день пятнадцать лет назад мир перевернулся, но только кто-то смог в него вернуться, а вот я осталась там, в параллельном, непостижимо далеко за гранью сознания.

Мельком заглянула в телефон. Женька напisyлал всякие «солнышки» и «сердечки». Чует братское сердце, что мне плохо. Так, это не дело! В буфете стоит банка с редким высокогорным чаем, подаренная на Восьмое марта художественным редактором. Вот уже десять лет я удаленно работаю иллюстратором книг в одном питерском издательстве, и только в этом году, благодаря моему переезду, мы встретились с коллегами лично.

Две чашки крепкого настоя с лимоном и плитка шоколада с привкусом цедры растопили тревогу, но слишком быстро унесли мои мысли в прошлое.

Женька, симпатичный двоечник, какого-то черта влюбился в меня, зануду-отличницу. Ну да, я была самой красивой девочкой в классе. Правда, сейчас сложно сказать: красива я или нет. Парни, которые меня целовали, называли красоткой. Но разве им можно верить? Они ничего не понимают в красоте.

А ведь я постоянно говорила, что мне не нравится его дурацкая красная шапка, и советовала делать домашнюю работу вместо того, чтобы писать мне записки с тремя ошибками в каждом слове. Но он, упертый как баран, вечно волочил за мной. Однажды даже проследил, куда я иду, зашел в подъезд, прижал к стене и поцеловал. Вот дурак! Я расплакалась и сказала, что, если он не отстанет от меня, пожалуюсь отцу. С поцелуями Женька больше не лез, но ходить за мной не перестал.

В тот самый день – последний в учебном году – я возвращалась домой после уроков, а Женька, по обыкновению, плелся за мной в своей стремной красной шапке. На улице тепло, сирень цветет, а он всё уши греет! Я прибавила шагу и завернула за угол. Еще немного, и я была бы дома, но четверо парней преградили путь.

– О, какая девочка! Давай познакомимся поближе! – Самый высокий выплюнул сигарету, выхватил мою сумку и принялся в ней копать.

Я растерялась и попятилась назад, но тут же уперлась в другого парня, который с издевательским «Привет, красотка!» обхватил меня руками и прижал к себе.

– Отстаньте от нее! – услышала я Женькин грозный крик.

Тогда я сначала обрадовалась, что он рядом, хотя и не понимала, сможет ли Женька что-то сделать против четырех рослых хулиганов.

– О, Красная Шапочка! Что смелый такой? А ну иди сюда! – Самый высокий гаденько улыбнулся, откинул в сторону выпотрошенную сумку и направился к Женьке.

Тот кинулся на противника с кулаками, но верзила увернулся, успев подставить подножку. Женька растянулся на земле у ног второго хулигана, который с усмешкой стянул с него шапку и выкинул в кусты.

– Красная Шапка, фас! – заржал довольный собой верзила, и остальные подхватили это дикое ржание.

Сволочи! Негодяи! В порыве злости я со всей силы наступила на ногу крепко державшего меня хулигана, и тот от неожиданности разжал руки. Я рванула к Женьке, но лохматый без передних зубов схватил меня за косу и дернул назад с такой силой, что я услышала хруст собственной шеи, а в глазах потемнело.

Женька уже почти поднялся и опять был сбит с ног. Падая, он уцепился за штанину мучителя.

– Да отвали ты! – заорал верзила и ударил Женьку так, что рассек ему пол-лица. Женька зарычал, с яростью размазывая по щекам кровь. Глаза его стали бешеными, как у дикого зверя. Он захрипел, подскочил ко мне и со всего размаху ударил лбом в челюсть моего обидчика.

– Беги, дура, беги! – закричал он и, развернувшись, пнул ногой в пах замахнувшегося на него верзилу, отчего тот сложился пополам.

Женька что-то еще кричал, а я просто застыла в ужасе, глядя на его окровавленное лицо: из сломанного носа ручьем текла кровь, заливая белую школьную рубашку.

– Ах ты, козел! – выпрямившись, разозлился громила, и в его руке блеснул нож.

Молниеносным движением острое лезвие нырнуло под ребра Женьки. Красивые голубые глаза широко распахнулись, ноги подкосились, и он упал. Господи! Все, что сейчас происходит, это ведь неправда? Этого просто не может быть!.. Я хотела закричать, но голос пропал. Стояла как вкопанная и не могла оторвать взгляда от этих широко раскрытых помутневших глаз, полных отчаяния и надежды. Женька задыхался, истекая кровью. Губы его бесшумно шевелились, он явно что-то хотел сказать, но не мог. Хватал землю руками, как будто просил у нее помощи. Тяжелый тошнотворный ком сдавил мое горло. Кровавое пятно становилось все больше и больше, мне казалось, оно поглощает Женьку, засасывая в себя, как черная дыра – ближайшие звезды.

– Ты идиот! – заорал верзила на своего товарища. – Валим отсюда!

– А с девкой что делать будем? – спросил третий.

– Завалим ее? – предложил кто-то из них, и я вдруг пришла в себя, рванула с места, побежала что было сил.

Слезы мешали, стало плохо видно, и я жмурилась, вытирая их на бегу. Терла глаза, а слезы все бежали и бежали ручьями. Все вокруг стало каким-то серым. Ну и фиг с ним. Главное – Женька. Я хочу его спасти. Он не умрет. Папа! Он сможет помочь! Мне нужен мой папа! Скорее!

– Папа! – забегая в подъезд, заорала я не своим голосом. Не стала ждать лифт, галопом побежала на пятый этаж и продолжала кричать: – Папа!

Я так громко кричала, что отец открыл дверь и с недоумением выбежал мне навстречу.

– Папа, Женьку зарезали! Совсем зарезали! И вся кровь из него вышла... Спаси, его папочка, умоляю! Я жить не смогу без него!

– Где? – кратко, решительно спросил отец.

– Там, на углу соседнего дома! – Я ткнула пальцем в ту сторону, где все произошло.

Папа перепрыгнул через перила, а я побежала за ним. Мама тоже выскочила и побежала заводить машину. Потом у меня помутилось сознание, и больше я ничего не помнила.

Очнулась я на следующее утро в серой комнате, которая казалась чужой, но на самом деле была моей спальней. Терла опухшие глаза, ничего не понимая и стараясь скинуть эту черно-белую пелену, но нет, никаких цветов я больше не видела. Подбежала к зеркалу, а оттуда на меня смотрела девушка, словно нарисованная графитным карандашом. Я не узнавала себя.

Если это сон, то очень страшный для меня как для человека – и настоящий ужасик как для художника. Я больше не вижу цвет? Последнее, что я помню из цветного, – это как красная кровь на белой рубашке превратилась в черную. И... все. Потом я бежала, а все вокруг было серым.

Женька! От плохого предчувствия сердце бешено забилося, выскакивая из груди. Какая разница, какого цвета мир, когда мой спаситель может умереть!

– Мама! Папа! – закричала я, выбегая из спальни. – Что с Женькой?

Родители тут же дали мне выпить какую-то бурду и успокоили. Парню сделали операцию, и хоть пока он еще не очнулся, но все будет хорошо – потому что папа дал ему свою кровь, а это значит, что и его сила теперь пребудет с Женькой. Мама вещала, словно магистр Йода, глядя меня по голове и пытаясь накормить овсянкой, как маленькую. Я с усилием проглотила пару ложек: жутко тошнило от волнения и переживаний.

Папа предложил прогуляться, но и это тоже была не очень хорошая затея. На каждом углу мне чудились черные кровавые пятна, которые я старательно обходила. Так что гуляли мы недолго. По возвращении домой я заперлась у себя в комнате.

Как дальше с этим жить? Что же делать? А если Женька не очнется? Я забилась в угол и принялась молиться. Никогда раньше этого не делала, но тогда вспомнила «Отче наш, иже еси на небесех». «Боженька, помоги, пожалуйста, умоляю, пусть Женька очнется!» – крутилось в голове. Раскачиваясь из стороны в сторону, я просидела так, наверное, несколько часов, а может, просто время тянулось бесконечно. Родители позвали ужинать, но аппетита не было, так что я выпила чаю и снова забилась в угол в ожидании чуда. Казалось, время замерло. Смотрела на полную луну – и хотелось выть. В конце концов в два часа ночи нам позвонили: Женька очнулся. Хотелось закричать: «Спасибо, спасибо, боженька! Дядя доктор, спасибо! Папочка, ты самый лучший!» Уткнулась в подушку и проревела от счастья до утра. Не помню, как уснула, но проснулась я уже с аппетитом.

Прошло еще два бесконечно долгих дня, и меня наконец пустили в палату к Женьке. Моего рыцаря было не узнать из-за опухшего носа и заплавленных глаз. Но, увидев меня, он постарался улыбнуться – лицо исказилось в жуткой гримасе.

– Привет, сестричка! Спасибо, что спасла, – нарочито весело произнес он.

Казалось, ему неловко из-за своей боевой красоты.

– О чем ты? Тебя спас мой папа. А ты для меня настоящий герой! Ты им всем так наваял, что, поверь, они выглядят не лучше тебя, – утешила я своего рыцаря.

– Правда, что ли? А ты откуда знаешь? – недоверчиво поинтересовался он.

– Так их всех арестовали, и я ходила на опознание, – с гордостью заявила я, выкладывая йогурты на тумбочку. Врачи сказали, что Женьке, кроме молочного и яиц всмятку, ничего пока нельзя.

– Ну надо же! Какая у нас оперативная полиция! Не ожидал.

– Так это я им помогла – нарисовала портреты бандитов! Запомнила каждый отсутствующий зуб во рту и каждый шрам на их лицах. Пока тебя там чинили, я изобразила их со всех ракурсов. У полиции просто не было вариантов, всех бандитов быстро нашли и опознали. Теперь им влепят по первое число за попытку убийства.

– Ты знаешь, я тут подумал и решил... – Женька нахмурился, как будто его мучила какая-то мысль.

– Это хорошо, что ты подумал, а то мне иногда казалось, что под красной шапкой думалки нет, – нервно захихикала я.

– Так вот, – Женька проявил терпение к моим шуточкам, – я решил, что пойду на борьбу. Так что, сестричка, стану крутым бойцом и тебя всегда смогу защитить.

Мне захотелось расплакаться, но я сдержалась. Ничего лучше не придумала, кроме как поцеловать Женьку в лоб, чтобы скрыть комок, подступивший к горлу от воспоминаний о том дне.

Уходя, я подарила новоявленному брату новую шапку, только теперь уже бирюзовую. Папа помог мне с выбором цвета.

После восстановления Женька и правда пошел на рукопашку и вскоре стал чемпионом области. А получив золотую медаль, ушел в тренеры.

– Знаешь, Вася, бессмысленно собирать медали, когда на улицах ходят хулиганы, а парни не умеют защищать своих близких, – сказал он как-то раз.

Я понимала его, как никто другой, и поддержала решение. Мы ведь были теперь одной крови, после того как мой отец отдал ему часть своей. А может, потому что у нас была одна боль на двоих.

И да, Вася – это я, Василиса. Все в семье называют меня по-разному. Папа и брат – Васей: с папой понятно, он жутко хотел мальчика, а родилась я. Мама – Василисой, бабушки и прабабушка – Лиссой. Дедушка и вовсе называет хитрой лисой из-за моих зеленых миндалевидных глаз. Когда-то зеленых – теперь и они, отражаясь в зеркале, были холодного стального цвета.

Глава 2. Рисовать – значит жить

Воспоминания прогнали последние остатки сна, и я поняла, что сегодня уже не усну. Решила лучше поработать над очередной книгой про драконов – в моем издательстве по-прежнему были в тренде попаданки и ведьмы с драконами. Обычно мне присылают распечатку рукописи, я читаю и рисую скетчи прямо на страницах с текстом – вот такая у меня фишка. Потом отправляю свое творчество, а уж издательство решает, брать или нет. Радует, что пока всегда брали всё. Если бы я отправила просто список с описанием идей, думаю, шансов было бы меньше. Все же иллюстрации играют большую роль: увидели, полюбили, купили. С этим издательством я работаю уже более десяти лет. И да, это мое первое и единственное место работы.

В детстве я рисовала карандашом в книгах легкие наброски сюжетов, и родители мне разрешали «портить» книги. Правда, это было до того, как мир перестал быть цветным.

Тот страшный день, когда мой спаситель Женька утонул в крови, выжег в моем мозгу или в глазах не только красный цвет крови, но и все остальные цвета тоже, заменив их на серый. Только вот почему после того, как прошел шок от увиденного, и даже после того, как Женька уже очнулся, цвета так и не вернулись ко мне? Даже врачи разводят руками.

Теперь весь мой мир стал серым, изредка разбавленным белым и черным цветами. Вокруг только серые лица, серые здания, серая тишина, мой серый страх.

Все то лето я просидела дома. Каждое утро просыпалась в надежде, бежала встречать рассвет, а он был ярким... но серым. Мама то и дело водила меня к врачам, но они не находили в моем зрении никаких отклонений. Зато направили к психотерапевту. Но тут вмешалась мамина мама – бабушка запретила делать из внучки сумасшедшую. Мама не сдалась и отвела меня на какой-то тета-хилинг. Этот метод тогда был малоизвестен, но и с новым «лечением» ничего не получилось. Психолог сказала, что у меня нет «доверия миру и веры в силы высшего порядка», поэтому я не смогла войти в «тета-состояние».

Наступила осень, и я пошла в школу. И тут начались проблемы. Каждый раз, когда что-то было связано с выбором цвета, я сталкивалась с удивлением одноклассников, а иногда с резкими окриками: «Ты что, слепая?» Вначале это пугало. Я терялась и заикалась, пытаюсь скрыть свой недуг. Потом начала злиться. Да, да! Я слепая! И что мне с этим делать? Еще хуже все становилось вечерами. После заката я совершенно не ориентировалась в сером мире. Лужи казались ямами, ямы – тенями, тени еще больше сбивали с толку. Но мой мир теперь – миллион оттенков черно-белого да еще яркие огни фонарей и автомобильных фар.

Из-за моей «куриной слепоты» вечером после школы меня встречали родители. Женька набивался в телохранители, но отец был против.

Через месяц у меня началась жуткая депрессия. Я не хотела выходить из дома, вечно плакала, стала какой-то заторможенной. Ходить в школу я наотрез отказалась, и мама тут же организовала мне обучение на дому. Хотя лично я не понимала, зачем вообще учиться, если не смогу рисовать. Зачем вообще жить, если не могу рисовать? Кем я буду, если не художником? Кем? Есть ли у художника в жизни другой путь?

Я запиралась в своей комнате и часами смотрела в окно. Осень выдалась дождливой. Мокрая пелена сглаживала тени и пахла небом. Я смотрела на дождь и плакала. Мы плакали с ним вместе. У дождя вообще нет цвета, он прозрачный, ему еще грустнее, чем мне. В жизни – как под дождем: наступает момент, когда уже просто все равно. Я чувствовала себя какой-то пустой и серой, почти мертвой.

И тут моя прабабушка решила устроить шокотерапию. Баба Нюра треть своей жизни была председателем колхоза, затем руководила департаментом в администрации и в свои девять

носто лет оставалась в здравом рассудке и трезвой памяти, занималась цигуном¹ в городском парке и проводила одиночные пикеты каждый раз, когда застройщики собирались вырубить в нем деревья. Так что пока бабуля жива – парку быть.

В один такой дождливый день баба Нюра вызвала мою маму и свою дочь, то есть мою бабушку, на женсовет. На повестке дня было мое серовидение.

– Да на ней лица нет! – начала причитать прабабка, как только мы перешагнули порог ее саманного домика. – Лисса, девочка моя, садись, покушай вареники с вишней и клубникой. Ты же их любишь! Господи, вы дитя там что, голодом морите? Ишь она как исхудала. Кушай, звездочка моя, я специально для тебя заморозила эти ягоды!

Я молчала, а прабабушка суетливо накладывала вареники мне в тарелку и приговаривала:

– Ты кушай, кушай и слушай, что бабуля тебе расскажет!

– Мама, может, не надо? – попыталась остановить ее дочь. – Василисе и так тяжело.

– Бабушка, ну правда, мы ведь и сами это узнали при других обстоятельствах, – встряла моя мама.

Мне вдруг стало любопытно. Что такое скрывала моя семья? Может, у нас какое-то генетическое заболевание, и все в пятнадцать лет теряют цвет, а потом он возвращается? Но для этого, наверное, нужно что-то сделать из ряда вон выходящее: например, залезть на Джомолунгму или выпить кровь черного петуха.

– Цыц, я вам сказала! А ты кушай, – кивнула мне баба Нюра. – Так вот. В нашей семье есть очень интересная история.

– Она не интересная, она проблемная, – снова встряла мама.

Но прабабка и ухом не повела, продолжила:

– Лет эдак семьдесят назад я встретила знахаря. Он был красив, как греческий бог, и умен, как Платон. Влюбилась в него без памяти, готова была ехать за ним хоть на край света. Но когда он привез меня в свой дикий лес на краю болота, я была так разочарована, что хватило моей любви ровно на три дня. Уезжать оттуда он не хотел, хоть и любил меня безумно. Я по наивности своей думала, что если уеду, то он тоже не выдержит и приедет сюда, в город. Перед моим отъездом он лишь сказал мне, что если я уеду от него, в моем роду девочкам счастье тяжело будет доставаться. И счастливы они будут лишь на тринадцатый раз.

– Ба, и ты поверила в эту сказку? Он же просто хотел тебя удержать! – с набитым ртом пробубнила я.

– Конечно не поверила. Вот как и ты сейчас. Вернулась в колхоз, а он мне снился и снился каждую ночь, хотя так и не приехал. Тогда я вышла замуж за бригадира, хорошего доброго человека, чтобы избавиться от этой напасти. Но твой прадедушка умер сразу, как только я родила дочь.

– Это ведь был несчастный случай. Ты ведь не испугалась? Не стала искать своего тринадцатого мужчину?

– Нет, не стала. Но и не хотела, чтобы все женщины в нашем роду стали вдовами, поэтому своей дочери я рассказала эту историю еще в младшей школе.

– Ба, дед у тебя что, тринадцатый? – с недоумением спросила я свою бабулю.

– Да, Ваня тринадцатый, – кивнула та, пряча взгляд.

– Постой-постой! Бабуль, ты в восемнадцать лет вышла замуж, только не говори, что до этого возраста у тебя были отношения с тринадцатью парнями? – удивилась я, не зная, краснеть или провалиться сквозь стул. Неужели я должна узнать сейчас все любовные истории моих предков? Кошмар какой-то!

¹ Цигун – это различные комплексы традиционных китайских психофизических (дыхательных, двигательных и медитативных) упражнений, возникшие на основе даосской алхимии и отчасти буддийских психопрактик, выполняемые преимущественно с оздоровительными и терапевтическими целями.

– Мамочка, а ты ведь вышла замуж в двадцать... А папа знает, что у тебя до него было двенадцать мужчин? – спросила я, а в голове мелькнула страшная мысль: он точно мой папа? От таких откровений вдруг начало подташнивать.

– Мам, ну я говорила тебе, давай не будем ей про это рассказывать, – взмолилась бабушка. – Как я сейчас ребенку должна объяснить, как и что было?

– А что было-то, Клавдия, ради бога, в те-то времена! Лисса, твоя бабушка просто перецеловалась с двенадцатью парнями в старшей школе и потом встретила своего Ивана. И ничего у них до своих мужей не было ни с кем. А мать твоя вообще хитрюга: влюбилась в твоего отца, но отказалась с ним встречаться, пока время не придет. Он тут пороги все обил, пока твоя мамуля не решила сходить на танцы в военное училище и за один вечер не перецеловалась там с двенадцатью кавалерами!

Мама тоже прятала глаза, и потому я не верила, что все вот так было легко с этими поцелуями. Что-то было не так, но это решили опустить.

– Просто поцелуй, и все? Двенадцать поцелуев? – не сдавалась я.

– Не все. В любом случае ты должна будешь испытать какое-то влечение к каждому из этих парней, – тихо произнесла мама.

– Мама, как ты узнала, что тринадцатый – это точно папа?

– Поцелуй тринадцатого сильно отличается от остальных. Ты сама это поймешь.

– А если бы ты не поверила в этот бред и поцеловала бы папу первым, вышла бы за него замуж, он бы умер после моего рождения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.